

Пролог

31 мая 1998 года,
воскресенье

Викторию разбудил лай собак в соседском саду. Испугавшись, она села в постели и выглянула в окно своей спальни на втором этаже. Еще стояла ночь. Снаружи на сильном ветру раскачивались ветки ее любимого дерева. Осыпаящиеся сухие листья шуршали по оконному стеклу и падали в сад за домом. Груда подарочных упаковок, сваленных возле шкафа, отбрасывала тень, похожую на чудовище. Девочка включила лампу и прижала к себе под одеялом белого плюшевого мишку Абу. Несколько секунд она лежала неподвижно с широко открытыми глазами, уставившись на звезды, которые папа прикрепил к потолку, чтобы те светились в темноте.

Ей хотелось пить, но лень было спускаться на кухню. Суббота выдалась необыкновенной, хотя и очень утомительной. В честь дня рождения Виктории мама с папой устроили для нее вечерин-

ку принцессы. Сад украсили золотыми коронами и яркими воздушными шариками. Был и большой торт, и сладости, и хот-доги, и попкорн. На праздник пригласили всю улицу и школьных друзей. Именинница красовалась в платье принцессы, а родители подарили ей серебристый бант, усыпанный блестками, — самый красивый из когда-либо виденных. Виктория целый день бегала, танцевала с подружками под «Чикититу»¹ — *двигайся, двигайся, маши руками* — и получила кучу подарков. А под конец вечера все дружно спели для нее «С днем рожденья тебя».

Теперь ее ноги буквально горели. Собаки лаяли все яростнее. Странно: обычно они такие спокойные в отличие от кошек Терезы... Виктория обожала валяться с собаками в траве и грязи; к счастью, мама не возражала. Затем раздался другой звук: громкий пронзительный стон, который внезапно оборвался. Он донесся изнутри, из дома.

Виктория спустила ноги с кровати, взяла с прикроватной тумбочки очки и с Абу под мышкой заскользила по полу в цветных носках — подарке тети Эмили. Повернула дверную ручку и отважилась сделать несколько шагов за порог комнаты, не включая света.

Крики доносились из родительской спальни в ближнем конце коридора. Из-под двери пробивал-

¹ «Чикитита» (Chiquitita) — сингл шведской группы «АББА». — Здесь и далее прим. пер.

ся желтый свет, освещаая верхние ступеньки лестницы. Мама плакала, а папа говорил громким, будто не своим голосом — кажется, он очень волновался. Они ссорились?

— Не бойся, Абу, — шепнула Виктория плюшевому мишке.

Как мог Эрик не услышать этого? Да, ее брат крепко спал и сильно храпел, но... Мамин плач становился только громче. Девочка услышала еще чей-то голос и не узнала его. Может, Эрик тоже там и это все из-за него? Наверное, родители ругают его за то, что он тайком убегает из дома. Виктория прекрасно знала — врать нехорошо, но Эрик, которому было уже целых десять лет, кажется, этого так и не усвоил.

Вдруг кто-то схватил девочку за руку и одновременно зажал ей рот, не давая закричать. Она начала отчаянно брыкаться.

— Успокойся, это я.

Виктория узнала голос брата и перестала сопротивляться. Она хотела отругать Эрика за то, что он ее напугал, но что-то в выражении его лица заставило ее промолчать. Она никогда не видела брата таким бледным.

— Здесь кто-то есть, — прошептал Эрик, увлекая сестру в свою комнату.

Он тихонько притворил дверь и повернул ключ в замке. В комнате пахло жвачкой, потными ногами и печеньем. Виктория поправила очки на носу, чтобы получше рассмотреть, что же ищет брат в глуби-

не шкафа. Когда он повернулся, в руках у него был световой меч из «Звездных войн» — подарок на его девятый день рождения.

— Лезь под кровать, Вик.

Девочка послушно легла на живот и юркнула под кровать. Снаружи по-прежнему раздавался шум. Лай усилился, и дети услышали грохот: что-то тяжелое скатилось вниз по лестнице. Виктория больше не слышала папиного голоса. Тут издалека раздалась мамины крики, как будто она спустилась на кухню. Она уже не плакала, а звала на помощь. Виктория высунула голову из-под кровати.

— Оставайся здесь, — велел Эрик. Хотя он пытался скрыть страх, ноги у него дрожали. — Я вызову полицию.

Единственный телефон в доме находился на первом этаже, в гостиной возле телевизора.

— Не надо, — всхлипнула Виктория. — Не уходи.

Эрик подошел к двери со световым мечом и медленно отпер ее, готовясь встретить лицом к лицу опасность, поджидающую снаружи. Виктория старалась как можно больше разглядеть из своего укрытия: приоткрытую дверь, грязноватый ковер, босые ноги брата, исчезающие в темном коридоре. Подождала несколько секунд. Больше ничего не было слышно: ни криков, ни ругани. Никаких признаков присутствия папы или мамы, только лай собак вдалеке. Как будто все это просто часть ночного кошмара. Только вот ее сердце

колотилось как бешеное, напоминая о реальности происходящего.

Девочка поняла, что обмочилась. Теперь мама отругает ее. Может, даже накажет, а Виктория этого терпеть не могла. Она бы объяснила, что испугалась...

И тут послышался хлопок. Затем еще один — уже ближе. Кто-то покатился по полу; зазвенело бьющееся стекло, и Эрик взвыл от боли. Затем последовала серия глухих ударов, будто что-то тяжелое роняли на пол. Виктория никогда не слышала подобного шума в драках. Ей хотелось что-нибудь сделать, но она застыла как вкопанная.

В ее поле зрения возник Эрик, ползущий по полу. На секунду он повернулся к ней лицом: в его глазах застыл ужас. Брат поднес трясущийся указательный палец к губам, приказывая сестре молчать. Она увидела кровь на его ногах и подавила острое желание закричать. В дверях появился какой-то человек, вздернул Эрика за воротник и швырнул на кровать. Девочка перекатилась на бок и обхватила руками коленки, сжимая Абу в объятиях. С каждым ударом крики брата становились все слабее, переходя в булькающий хрип. Кровь стекала с края кровати и капала на пол рядом с Викторией.

Тс-с-с-с.

Почему этот звук казался таким знакомым?

Тс-с-с-с.

В спальню проник резкий запах, и Виктория почувствовала, как у нее закружилась голова. Она

зажала нос и рот, как делала во время прыжка в бассейн, но не смогла долго сдерживаться и тихо кашлянула. Незнакомец замер, почувствовав ее присутствие. Не успел он присесть на корточки, как девочка быстро выкатилась из-под кровати, бросив Абу, и побежала без оглядки. Она знала, что за ней гонятся.

— Мапочка! Папочка! — крикнула девочка с верхней площадки лестницы. Голос эхом разнесся по дому и затерялся в просторной гостиной.

Виктория сбегала вниз. В кухне стояла крошечная тьма. Гостиную освещало только приглушенное мерцание телевизора, по которому тихо шел какой-то фильм. Яркие ленточки и надпись «С днем рождения» все еще были приклеены скотчем к зеркалу. На столе валялись пустые пакеты из-под сладостей, использованные пластиковые тарелки и скомканные салфетки, а на полу — лопнувшие воздушные шарики, крошки от торта и булочки от хот-догов, которые уронили во время праздника.

Девочка бросилась мимо дивана к раздвижной двери, ведущей на задний двор. Приблизившись, заметила, что та приоткрыта. Поперек прохода белели две ноги, словно упавшие мешки с сахаром. Виктория узнала мамину ночную рубашку, подбежала ближе и в отчаянии присела на корточки. Кровь лилась из груди матери в такт слабеющему дыханию. Она была еще жива, но у девочки не хватало духу дотронуться до нее. Слишком много крови.

«Беги», — беззвучно прошептала мать. На ее горле зияла рана, похожая на рот, распахнутый в странной улыбке.

Свет от телевизора внезапно стал ярче, и девочка смогла четче разглядеть мамино лицо. Оно было совершенно черным, будто покрытое липкой краской. Виктория любила маму, любила папу, любила брата. Нужно было что-то делать. Позвонить в полицию или...

Она подбежала к стойке с телевизором и вскарабкалась по полкам к телефону. Лихорадочно набрала единственный номер, который знала наизусть, и стала ждать. Вскоре ей ответили.

— Тетя Эмилия, помоги, — успела крикнуть в трубку Виктория, прежде чем ее резко оттащили назад.

Телефон с грохотом упал на пол. Незнакомец прижал ее маленькое тельце к дивану и навалился сверху, обездвигив ее ноги и зажав рот рукой в перчатке. Виктория еще не выучила до конца «Отче наш» и пыталась вспомнить первые строчки, но не могла. Она отбивалась, но чужак оказался сильнее. Очки слетели, и девочка смутно различала лицо мужчины и его кудрявые волосы, спадающие на черные глаза. Он вскинул правую руку, сжимая огромный нож, с которого капала кровь. Лезвие сверкнуло, когда на него упал свет. Виктория зажмурилась, и на нее обрушился первый удар. Жгучая боль быстро растеклась по всему телу: острие рассекло ей

ногу. Затем — еще удар. Силы иссякали, сопротивляться не было смысла...

И вдруг удары прекратились. Нападавший отшвырнул нож, достал что-то из своей поясной сумки, затряс этим «чем-то» и направил прямо на девочку. Собрав все силы, она закричала так громко, как только могла, но было слишком поздно. Снова появился резкий запах, глаза обожгло, а в горле появился горький привкус.

Тс-с-с-с.

В первые часы своего четвертого дня рождения Виктория провалилась во тьму.

Двадцать лет спустя

Быть Викторией Браво нелегко. Я наблюдаю за ней каждый день. Знаю ее планы, привычки, любимые места. Знаю, какие лекарства она принимает, какие мультфильмы ей нравятся, какую еду покупает. Знаю ее самые сокровенные секреты и страхи. Знаю, что по выходным она навещает двоюродную бабушку, субботы любит проводить дома и всегда ходит одна на полуночные киносеансы. Я слежу за ней издалека. Я провожу бессонные ночи, глядя на единственное окно в ее квартире и думая о ней.

Те несколько часов, которые мы проводим вместе каждую неделю, просто чудесны, полны тонких намеков, невысказанных слов, многозначительных взглядов. Но Викторию трудно удержать. Мы продолжаем в таком духе уже давно, а дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Шаг вперед, еще шаг — и начинай сначала. Мне кажется, пора сделать решительный ход — так сказать, взять быка

за рога. Мои ладони вспотели, сердце бешено колотится. Жду не дождусь.

На этот раз я не сомневаюсь, что все пройдет замечательно.

1

На перекрестке Виктория на секунду остановилась, достала из кармана латунное обручальное колечко и надела на правую руку. Арроз проделал то же самое со своим кольцом. Девушка задрала голову и нашла взглядом желтую вывеску «СДАЕТСЯ» в окне четвертого этажа. На подоконнике стояли две вазы с цветами, а на стекле красовалась большая наклейка. Надпись с такого расстояния не разобрать. Здание старое, с выкрашенным в бежевый цвет фасадом и красивой мраморной аркой над входом.

— Организовать это было несложно, — заметил Арроз с заговорщической улыбкой.

Они продолжали идти бок о бок по тротуарной плитке с мозаикой, не держась за руки. Швейцар позвонил в квартиру 407 по домофону, и им разрешили подняться. Выйдя из лифта, парочка зашагала к двери квартиры по широкому коридору с красной ковровой дорожкой. Виктория позвонила в звонок, уже различая звуки внутри: по телевизору шла детская передача, кто-то бежал по паркету, хлопнула дверца шкафа, в замке повернулся ключ.

Женщине, открывшей дверь, могло быть не больше сорока, но выглядела она как с поля боя: воло-

сы собраны в неряшливый пучок, на белой блузке нечто похожее на пятна от томатного соуса, лицо изможденное. Арроз пожал ей руку, а Виктория предусмотрительно сунула руки в карманы и только кивнула. Ничего личного: просто она по возможности избегала телесных контактов. Хозяйка впустила их и предложила чувствовать себя как дома. Этот момент нравился Виктории больше всего: первая встреча с квартирой, ее запахами, красками, мебелью, обитателями. Целый шквал таких маленьких, но таких важных частичек информации...

Гостиная была просторной и симпатичной комнатой: круглый стол у двери; прислоненные к стене пустые рамы; открытые банки с краской; несколько абстрактных картин на стенах; игрушечные наборы, разбросанные на полу; черный диван, на котором, подогнув ноги, лежал маленький светловолосый мальчик лет шести и смотрел на планшете мультик («Ученая Луна!», если Виктория не ошиблась). Когда вошли гости, он даже не оторвался от экрана.

Виктория подошла к желтой вывеске на окне и повнимательнее рассмотрела наклейку на стекле: «ЗДЕСЬ ЖИВЕТ СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ» — и держащиеся за руки четыре фигурки из палочек: отец, мать, маленький мальчик и маленькая девочка. Эта женщина, наверное, художница, но понятно, что теперь она прежде всего мать. Достаточно взглянуть на мешки у нее под глазами — верный признак бессонных ночей. Видимо, она вышла замуж за мужчину, который оказался одновременно кормильцем